

Хорхе Луис Борхес

Медальон

Я лесоруб. Имени называть не буду. Хижина, где я родился и где скоро умру, стоит на опушке леса. Поговаривают, что лес занимает всю сушу, за ним только море, где плавают деревянные дома вроде моего. Не знаю, я моря не видел. И другой стороны леса не видел. В детстве мы со старшим братом поклялись, что вместе вырубим этот лес до последнего дерева. Брат мой умер, а я теперь навсегда занят другим — я ищу одну вещь. С той стороны, где садится солнце, течёт речушка, я наловчился руками ловить там рыбу. В лесу водятся волки, но волков я не боюсь, топор меня никогда не подводил. Лет своих не считаю. Знаю, что их много. Глаза уже не видят. В деревне, куда я перестал ходить, чтоб не заплутать, меня называют крохобором, да ведь лесорубам только крохи и достаются.

Дверь хижины я подпираю камнем, чтоб не намело снегу. Как-то вечером я услышал тяжёлые шаги, а потом стук. Я отпер. Вошел незнакомый высокий старик со шрамом через всё лицо. Он кутался в потёртый плащ. Держался властно, будто годы его не коснулись, хотя я заметил, что он тяжело опирается на посох. Мы о чём-то перемолвились, а потом он сказал:

— У меня нет дома, ночью я где придется. Я исходил всю Саксонию.

Слова его были стары, как он сам. Мой отец тоже называл эту землю Саксонией, сейчас люди зовут её «Англия».

Я достал рыбу и хлеб. Мы молча поели. Пошёл дождь. На земляном полу, где когда-то умер мой брат, я соорудил ему постель из шкур. Когда стемнело, легли спать.

Когда мы вышли из дома, светало. Дождь кончился, землю запорошило снегом. Мой спутник выронил посох и велел мне поднять его.

— Почему ты мне приказываешь? — спросил я.

— Потому что я король, — ответил тот.

Я решил, что он сумасшедший. Поднял посох и подал ему.

Он же повторил с нажимом:

— Я король Секгенов. Раз за разом я приводил их к победе в жестоком бою, но час настал, и я потерял своё королевство. Я Исерн из рода Одина.

— Я не чту Одина, — сказал я. — Я почитаю Христа.

Но он продолжал, словно не слыша:

— Я бреду тропами изгнания, но я всё ещё король, ибо медальон остаётся у меня. Хочешь взглянуть?

Он разжал костлявую руку. Я ничего не увидел. Пустая ладонь. Только тогда я вспомнил, что прежде он кулака не разжимал.

— Можешь потрогать, — добавил он, не сводя с меня глаз.

Я осторожно протянул руку и тронул его ладонь. Пальцы обожгло холодом, в воздухе что-то сверкнуло. Он тут же снова сжал кулак. Я молчал. А он терпеливо разъяснил, как ребёнку:

— Это медальон Одина. У него только одна сторона. У всего на свете есть вторая сторона, кроме этого медальона. И пока он у меня, я остаюсь королём.

— Он золотой? — спросил я.

— Не знаю. Это медальон Одина, и у него только одна сторона.

Мне страшно захотелось иметь такой. Если б медальон был моим, я бы выменял на него золотой слиток и стал королём. И я предложил бродяге, которого ненавижу по сей день:

— У меня в хижине спрятан сундук с монетами. Они золотые, блестят, как этот топор. Отдай мне медальон Одина, и я дам тебе этот сундук.

— Не дам, — твёрдо ответил он.

— Тогда, — сказал я, — ступай, куда шёл.

Он повернулся ко мне спиной. Одного удара топором по затылку с лихвой хватило, он пошатнулся и упал, но, падая, разжал кулак, в воздухе снова что-то сверкнуло. Я пометил место топором, и оттащил труп к речушке, она как раз тогда разлилась. Столкнул тело в воду.

Вернувшись к хижине, я стал искать. Медальона нигде не было. Минули годы, а я всё ищу его.